

“Идти своим путем”

Старая кинопроба 14-летней давности. За кадром ассистент по подбору актеров спрашивает очередную кандидатку: “А вы давно хотите стать актрисой?” Лицо девушки ожесточается и она с вызовом бросает в камеру: “Я не хочу стать актрисой, я уже актриса!”

Жюльетт Бинош было в то время 18 лет. Она действительно была уже сложившейся актрисой, и ей не хватало только ролей. Впрочем, вскоре пришли и роли — у Андре Тешине, Лео Каракса, Кшиштофа Кесьлевского, Луи Маля. Год назад Бинош получила “Оскар” за “Английского пациента”, и сегодня является ведущей актрисой европейского кино.

Кристоф ДИВУАР

— Вы говорили, что вкус к профессии актера вам привили родители.

— Мама привила мне вкус к эклектизму. Она приучила меня искать разные формы самовыражения — живопись, музыка, чтение, игра, шитье костюмов, танцы... Мне повезло с мамой. Отец жил отдельно от нас с матерью и сестрой. Он шел своим путем, я редко с ним виделась. В моих воспоминаниях он всегда в толпе людей. Папа был коммунистом, он водил меня на всякие демонстрации и манифестации. Помню, что люди в толпе казались мне счастливыми. Помню, из окон сверху бросали листовки, и они кружились над толпой. Еще у меня сохранилось совсем смутное воспоминание — наверное, мне было года три — что отец и мать играют на сцене, а потом встречаются за кулисами. Потом мне рассказывали, что во время одного спектакля я крикнула из зала “папа!”, когда отец был на сцене. Но сама я этого не помню.

— Ваши родители были профессиональными актерами?

— Вначале — да. Впрочем, они были не только актерами. Они ставили спектакли, преподавали актерское мастерство. Когда у них родились мы с сестрой, маме пришлось зарабатывать на жизнь и заниматься семьей. Она пошла учиться и стала преподавательницей французского языка. Впрочем, мама прошла удивительный путь. Она словно прожила несколько жизней. Когда ей исполнилось 50 лет, она бросила преподавать и снова вернулась в театр, чтобы играть и ставить пьесы.

— Ваши родители подталкивали вас в желании стать актрисой?

— Напротив, зная сложности, которые поджидали меня в этой профессии, они делали все, чтобы меня отговорить. Но я приняла решение без них. Еще с детства у меня сложились интимные отношения с лицедейством, игра была для меня способом не оставаться в одиночестве. В школе меня старались приобщить к физическому труду, но тщетно. Недавно я нашла свои старые школьные дневники. Сегодня мне смешно, но тогда я очень переживала. У меня постоянно шли записи учительней: “Не работает на уроке. Рассеянная.”

— Когда вы приняли окончательное решение стать актрисой?

— В 17 лет, после того, как я поставила в лицее пьесу “Король умер” и сыграла главную роль. Я поняла, что нашла свой путь. В лицее театра мне хотелось обрести семью. В те годы мне было все равно, чем заниматься — игрой или постановочной частью. Какое-то время я колебалась между живописью и театром, и работа художника-постановщика казалась мне идеальным компромиссом. У меня было много идей, но меня понесло по течению. Друзья посоветовали мне встретиться с ассистентом по подбору актеров. Он отправил меня к агенту. Агент стал посылать меня на пробы.

Я играла в театре у Жака Моклера и ходила, ходила, ходила пробовать во все фильмы. Меня заворачивали — не такой нос, не тот цвет глаз... Потом мне повезло — Андре Тешине взял меня в “Свиданье”. Конечно, все это время мне приходилось туго с финансовой точки зрения, приходилось подрабатывать кассиршей в универсаме. Помню, когда я пришла увольняться, директриса мне сказала: “Подождите, вы же не уверены, что вам и дальше будут давать роли. А здесь у вас есть постоянное место”. Я не могла ее понять. Какое “постоянное место”? Зачем она мне это говорит? Я скоро стану сниматься в одном фильме за другим! Конечно, я ошибалась. Мне еще долго пришлось перебиваться, но я была в себе уверена. Актер не может жить без уверенности в себе.

— Вам доводилось играть на сцене вместе с матерью или отцом?

— Я начала учиться театраль-

ному ремеслу в 13 лет под руководством матери. Она руководила театральным клубом в Луар-э-Шер, где мы в то время жили, и мне приходилось играть много мужских ролей. В классическом репертуаре мужских ролей гораздо больше, чем женских. В 15 лет я переехала в Париж, чтобы учиться в лицее, и мне удалось поступить в экспериментальную школу, где можно было параллельно заниматься творческой деятельностью. Там я поставила в школьном театре “Король умер”, и после этого записалась в Консерваторию нашего округа, где познакомилась с Жан-Пьером Мартино, который стал моим преподавателем.

— Он говорит, что вы часто его навещаете.

— Он очень мне помог. Он сразу почувствовал, что у меня есть потенциал и подготовка, полученная в театре в Луар-э-Шер, поэтому не стал учить меня основам, а сразу же начал подталкивать к более сложным и интересным вещам. Причем он делал это очень хитро. Он говорил мне: “Ты потом это поймешь, ты еще слишком молода”. Я считала такое отношение несправедливым и, чтобы это доказать, искала очень глубоко в себе то, что потом смогло выйти наружу.

— В те годы вы чувствовали себя одинокой?

— В школе у меня было много друзей, очень близких друзей. Но когда я начала работать, я почувствовала себя... не одинокой, потому что я научилась находить друзей в книгах, — а, скажем, не принадлежащей ни к какой группе. Но меня это не огорчало. Наверное, со стороны это покажется странным: я хотела работать в театре, чтобы стать частью коллектива, а оказавшись в труппе, поняла, что примыкать к какой-то группировке — значит, ограничивать себя как актера. Тогда я и осознала, что каждый должен идти своим путем.

— Люди, которые вас в ту эпоху знали, говорят, что вы были очень честолюбивы.

— Внутренних амбиций у меня было много. Внешних — вряд ли. Мне хотелось рисковать, встречать интересных людей, быть частью важных событий в кино и театре. Я испытывала жажду жизненных впечатлений. Жан-Пьер Мартино говорит, что желание признания в мире связано с желанием признания со стороны отца. Наверное, это так, особенно вначале. Но когда удается перешагнуть через это желание, становишься совершенно свободной. Хочется творить, забыть себя в искусстве. А если не удается перешагнуть через “синдром отца”, это становится настоящей болезнью.

— Что вы почувствовали, когда впервые оказались перед камерой?

— Первый раз мне удалось полу-

чить эпизодическую роль в 1982 году. Я совершенно не чувствовала камеру. Наверное, в то время для меня это было просто шансом подработать несколько франков. К счастью, в то время у меня был возлюбленный, который мне помогал. А само впечатление от съемок было очень хаотичным. Я снималась всего один день. Помню, что очень тщательно готовилась к этому дню, а когда он настал, я поняла, что главное для актера на съемках — умение управлять своей энергией.

— Восхищались ли вы в 80-е годы какими-либо актрисами? Изабель Аджани, Миу-Миу, Изабель Юппер — кем были для вас эти три наиболее уважаемые звезды?

— Я мало ходила в кино. Я очень увлеклась театром, смотрела много спектаклей. Больше всего мне нравились Пьер Прадинас и Дарио Фо. Помню постановки Стрелера и Питера Брука — это были полеты во сне! А кино я открыла после того как познакомилась с Лео Караксом. Однако я помню, что лет в 18 попросила совета у матери — что мне стоит посмотреть в кино. Она перечислила мне авторов, которых она любила, — Тарковского, Пазолини, Тати, Феллини. А потом я посмотрела “Бум”. В те времена я ходила на занятия на факультете пластических искусств, чтобы получать стипендию, и у нас был курс кино, который читал нам один странный тип. Из всех его лекций я запомнила только одно: что пленка одного типа горит, а другого — нет.

Конечно, мы занимались не только этим — писали рецензии на фильмы, обзоры и прочие умные вещи. Короче, не помню, как это вышло, но однажды он меня спросил, какой последний фильм я смотрела. Я совершенно спокойно сказала — “Бум”. Все расхохотались. Я очень расстроилась — это был первый фильм из новых, который я посмотрела. В порядке самозащиты я спросила преподавателя: “А вы его смотрели”? Он сказал — нет, и тоже засмеялся. Тогда я сказала: “Сначала посмотрите, а потом смейтесь! Очаровательное кино, между прочим!” Все просто покатались — решили, что я нарочно их смешу. Но я говорила правду — фильм мне понравился и я подумала, что в Софи Марсо есть что-то настоящее. Конечно, “Бум” нельзя назвать великим фильмом, но в нем есть живая искорка.

— Значит, вы не трепетали, снимаясь у Годара и Дуайона?

— Я ничего не знала о большинстве режиссеров, у которых снималась в первые годы. Я старалась не демонстрировать своего невежества, но по большому счету мне кажется, что это не так плохо. Это позволяет относиться к режиссеру прежде всего как к человеку, и только потом — как к творцу.

— Расскажите, как вы познакоми-

лись с Лео Караксом.

— Он заметил меня на одном региональном фестивале и захотел познакомиться. Мы договорились о встрече в парижском кафе. Помню, я ела мороженое, и он сказал мне: “Ты такая же кругленькая как это мороженое”. Помню, что он пришел на встречу в рваном свитере. Оказалось, что я видела его первый фильм “Парень встречает девушку”, и он был очень удивлен, что он мне понравился. Наверное, я похожа на человека, которому скорее понравится “Бум”. Лео дал мне почитать сценарий “Дурной крови”; мне он очень понравился, но я не поняла, предлагает ли он мне роль в этом фильме. В то время в театре мне предложили играть Химену в “Сиде”, и я решила, что общение с Лео можно считать исчерпанным. Но вскоре он мне позвонил и сказал, что уже начал готовить фильм к съемкам и ждет меня — иначе снимать не будет. Пришлось сказать “да”.

— Вы много раз говорили, что именно Каракс помог вам понять кино.

— Мы жили рядом с Синематкой и постоянно ходили в кино. Но понимать кино, чувствовать камеру я научилась не в зале, а на его съемочной площадке. Мы снимали “Дурную кровь” девять месяцев. Я поняла, что для Лео кино — это жизнь.

— Когда вы работали над следующим совместным проектом — “Любовники с Нового моста” — при подготовке к роли вы некоторое время жили на улице под мостом. Этого хотел Лео, или это было ваше собственное решение?

— И то, и другое... Мне хотелось сделать все, чтобы он был счастливым. И я не чувствовала, что совершаю самопожертвование, для меня это было естественно: я готовилась к роли.

— Каковы ваши сегодняшние проекты? Ходят слухи, что вы будете сниматься у Алена Корно, Аббаса Кьяростами и Чена Кайге?

— Этой зимой я действительно должна была сниматься у Корно в фильме “Вдова Сен-Пьера”, но он отложил проект. Остальные проекты слишком неопределенны, чтобы о них говорить. Все чаще я подумываю о том, чтобы вернуться в театр.

— И вы сможете отказаться от кино?

— Жан-Пьер Мартино говорил мне 15 лет назад: “Человек идет вперед, только когда от чего-то отказывается”. Тогда я не поняла этих слов. Сегодня я полностью их осознала, потому что мне приходится сталкиваться с этим каждый день. Главное — доверять интуиции.

ПАРИЖ